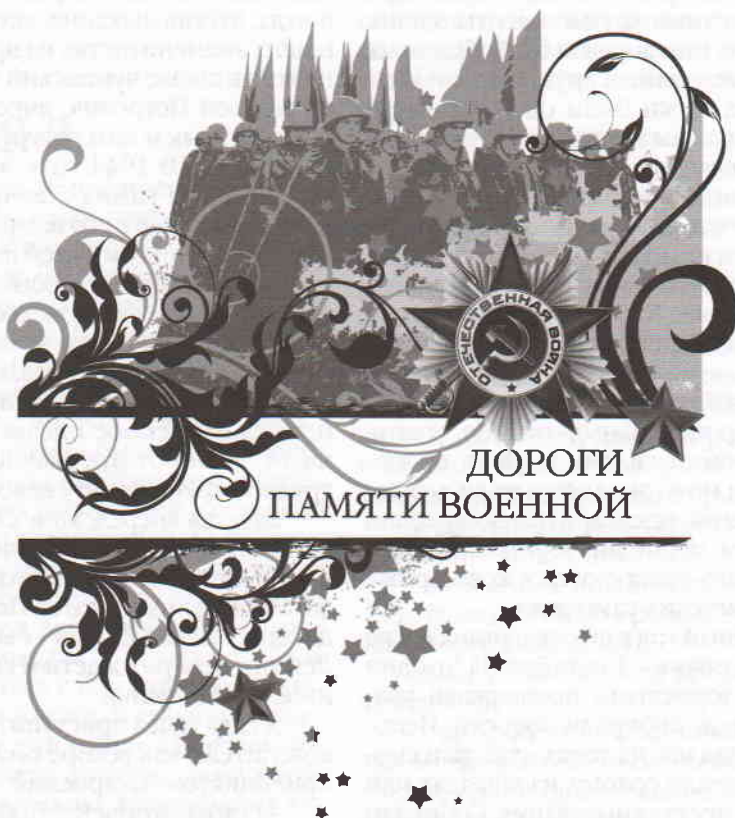

Нина АНЦИФЕРОВА

Нина Евгеньевна Анциферова родилась в городе Алма-Ате (Казахская ССР) в 1990 году. В 1996 году переехала с семьёй в Ульяновск. Здесь окончила ульяновскую среднюю школу №72, авиационный колледж и в 2009 году - Ульяновский государственный университет по специальности «Бухгалтер-экономист». Это ее первая публикация.

НОЧНОЙ ДЕСАНТ

*Посвящается моему дедушке,
Геннадию Васильевичу Анциферову,
десантнику, участнику описываемых событий.*

* * *

Война... война... всё ты, всё ты
Саднишь и тянешь след багряный.
Бинтует время эту рану,
Но кровь сочится сквозь бинты.

Юрий ПАВЛОВ

* * *

И я не раз туда ходил,
Но жив-здоров вернулся.
Нет, враг меня не пощадил,
Он просто промахнулся!

Иван РЫЖИКОВ

«Битва за Днепр - ряд взаимосвязанных стратегических операций Великой Отечественной войны, проведённых во второй половине 1943 года на берегах Днепра. С обеих сторон в битве приняло участие до 4 миллионов человек, а её фронт растянулся на 1400 километров. В результате четырёхмесячной операции левобережная Украина была почти полностью освобождена Красной армией от нацистских захватчиков. В ходе операции значительные силы Красной армии форсировали реку, создали несколько стратегических плацдармов на правом берегу реки, а также освободили город Киев. Битва за Днепр стала одним из крупнейших сражений в мировой истории», - сообщает известная интернетовская «Википедия».

В одной из операций на Днепре по захвату Букренского плацдарма участвовал воздушный десант, в котором находился мой дедушка.

1

...24 сентября 1943 года. Полночь. По небу неслись клочья рваных туч. Сквозь них безучастно и холодно мерцали искорки звезд. Луны не было видно, но она вскоре появится, отбрасывая скупой шлейф серебряного света на простирающиеся вокруг леса. От шума работавших самолётных двигателей закладывало уши. На взлетно-посадочной полосе всё ещё суетились люди, командиры отдавали короткие приказы, нервно оглядываясь по сторонам, десантники цепочкой бежали к самолётам, инстинктивно пригибаясь и морща лица от сильного ветра.

Эта операция готовилась в очень сжатые сроки. Окончательный вариант Генштаб утвердил буквально несколько суток назад. От исхода форсирования Днепра зависело многое. Этот факт был ясен каждому бойцу и командиру воздушного десанта.

Сегодня все были в напряжении, только командиры отделения, сержанта Черкашина, казалось, ничто не могло лишить самообладания. Невольно он передавал своё спокойствие всем, кто находился поблизости. Люди двигались молча, занимали свои места, ещё раз проверяли состояние боевого снаряжения, после чего принимались сосредоточенно сверлить взглядом противоположную стену борта самолёта.

В салоне уже разместилось двадцать два солдата-десантника, в том числе два неразлучных друга - Геннадий Анциферов и Михаил Запезалов. Их дружба определилась ещё на призывном пункте Алма-Аты. Десантники коротко кивнули друг другу. Никто из них не смог выдать даже слабой ободряющей улыбки. Тревога была настолько всеобъемлющей, что, казалось, заполнила собой всё пространство вокруг. В эту ночь для каждого бойца, участвующего в предстоящем сражении, окружающий мир перестал существовать. Был только самолёт. А ещё голоса инструктора и командира - единственные звуки, к которым все прислушивались с особенной тщательностью. Металлически холодно и чётко щёлкнули карабины тяжёлых фал. Казалось, что уже давно всё готово, но команды «На взлёт!» ещё не было. Бесконечно долго шли последние минуты на земле.

2

Игорь Михайлов нервно дёрнул щекой и ещё раз поправил правый рукав. Парню постоянно казалось, что с этим рукавом что-то не в порядке. Мифическая пустота в районе желудка затянула в себя все внутренние органы, оставив в теле лишь холодную чёрную пустоту, такую же безучастную и безликую, как ночное небо, которое Игорь видел всего пятнадцать минут назад.

Все сидевшие в салоне самолёта десантники были похожи друг на друга, как горошины из одного стручка: одинаковые серые куртки, штаны, шлемы, чёрные кирзовые сапоги... Разными были только лица, на которых застыло выражение тревоги и решимости. Свист двигателей ещё больше усилился, хотя казалось, что это уже невозможно.

«Да когда же?»

Этот вопрос задавали себе многие.

«Задержкка... Почему?» - подумал Игорь, и, словно бы отвечая на мысленный вопрос Михайлова, сидевший рядом кареглазый широкоплечий парень пробормотал:

- Третья медлит. Всегда третья.

Спрашивать, что он имел в виду, необходимости не было.

Игорь вспомнил, как всего две недели назад сидел в точно таком же самолёте в компании тех же самых десантников. Вот только атмосфера, царившая вокруг, была совершенно иной. Смех, нестройное пение, шутки командира... Всё это ушло, затерялось где-то в далёком прошлом. Остался только холод волнения и твёрдая уверенность в том, что сегодня он, Игорь Михайлов, совершит что-то невообразимое.

- На взлёт!

Эти два коротких слова прозвучали подобно выстрелу. Все присутствовавшие в салоне люди одновременно вскинули головы и посмотрели друг на друга. Началось.

3

Геннадий почувствовал, как ему начинает закладывать уши. Конечности наливались тяжестью, где-то в районе нижних рёбер разросся холодный тугой пузырь, заставивший парня несколько раз глубоко вдохнуть. Спустя несколько минут все до последнего десантника осознали, что назад дороги уже нет. Но кто, скажите мне, кто из этих людей смог бы отказаться от шанса дать бой этой чёрной гадине, расплывшейся по их родной земле, словно нефтяное пятно на кристально-голубой поверхности воды? Фашисты заслуживали чего-то гораздо страшнее смерти за всё горе, что принесли своим вторжением. И десантники, сидевшие сейчас в салоне самолёта, готовились принести им такую смерть.

«Мама, я напишу тебе, как только вернусь. Всё-всё напишу», - Андрей Никитин шмыгнул носом, представляя, как его мать, маленькая сухонькая женщина, с первой проседью в длинных каштановых волосах, дрожащими от радости руками вскрывает пришедший с фронта треугольный конверт, испачканный машинным маслом, и с улыбкой вчитывается

в неровные карандашные строчки, местами смазанные неловкими пальцами писавшего. Андрей скоро уже два месяца, как не писал матери. Но клялся сделать это перед каждым вылетом. «В этот раз напишу обязательно!» - решил он.

Самолёт тряхнуло, и все сидевшие в нём крепче ухватились за край сиденья. Черкашин поджал губы, но оставался спокойным и сосредоточенным, показывая пример собственной смелости всем остальным. Геннадий ещё раз взглянул на Михаила. Они оба прекрасно понимали мысли друг друга. И никакие телепатические способности были тут не при чём, просто они дружили давно, подолгу разговаривали, делились своими мыслями о жизни, о войне, о своём долге перед Родиной, обсуждали воспитательные беседы замполита, новости с фронтов, говорили о том, как обуздать страх, как выжить в бою... Да и сама ситуация настолько сблизила всех присутствующих, что слов не требовалось. Они летели выполнять свой долг перед любимой страной, своим народом, который подвергался коварному нашествию оккупантов.

4

Казалось, что этот полёт никогда не кончится. Игорь уже настолько хорошо изучил пол под ногами и собственные пыльные следы на нём, что не мог больше смотреть вниз. В памяти всплыл его первый боевой вылет. Тогда молодой десантник думал, что страшнее уже не будет никогда. Как сильно он ошибался...

- Да, ты прав. Прямо как в первый раз.

- Что?

Игорь Михайлов невольно вздрогнул и взглянул на своего не в меру болтливого соседа. Последний же пристально посмотрел Игорю прямо в глаза и вновь заговорил:

- Сейчас всё то же самое. Только ты уже готов, - после чего добавил всё тем же стальным тоном: - Помни об этом.

- Я не...

В этот момент самолет опять резко тряхнуло. На этот раз значительно сильнее. Кто-то даже слетел с места и, невнятно чертыхаясь, принялся собирать раскатившиеся по полу стеклянные шарики.

«Стоп, откуда здесь шарики?.. Нет-нет, это совсем не шарики. Это патроны. Но каким олухом надо быть, чтобы просыпать на пол целую горсть? Что он там с ними делал? И вообще, с чего я решил, что это шарики?» - спросил себя Анциферов.

Мысли пошли в каком-то идиотском направлении. Чтобы очистить сознание от лишнего мусора, десантник пару раз мотнул головой. Поймав на себе удивлённый взгляд Запезалова, Геннадий только вздохнул. Он не знал, что сказать. Всё было оговорено накануне вылета.

«Прости меня, Светик. Я обещал вернуться, и я вернусь. Ты только прости меня», - думал Иван Прохин, сосредоточенно разглядывая собственную правую ладонь. Непонятно только, за что, собственно, однокласснице Свете было его прощать? Ведь они за годы учебы едва ли перемолвились парой фраз! Сидела эта тихоня-отличница всегда на первой парте, тогда как он старался занять последнюю, подальше от учителя. На контрольных она всегда решала другой

вариант, на бурных классных собраниях не выступала, в обсуждениях не участвовала. Но запомнилась почему-то именно она, тихоня. Странно все-таки. В их 10«В» было много красивых звонкоголосых девчонок, но Иван мысленно обещал вернуться только ей. «Смотрела она всегда как-то... не как другие, а как будто понимает все про тебя», - сумбурно пытался Иван объяснить самому себе свои чувства, все тщательно изучая свою ладонь. Рука казалась ему какой-то чужой и неправильной. Тонкий розовый шрам тянулся вдоль всего большого пальца и заканчивался на середине запястья. Его первое боевое ранение. Разорвал руку, когда в прошлый раз неудачно приземлялся. Сейчас всё будет совсем не так. Сейчас он всем (и ей!) покажет, на что способен. Никто ещё не знает, что именно он задумал, но как только начнётся высадка...

5

Сергей Синецын крепко зажмурился, пытаясь избавиться от потока ментальных образов, проплывавших перед глазами. Сразу же после зачисления в Воздушно-десантные войска у Сергея Синецына начались проблемы. Он словно бы потерял всякую способность отгораживаться от чужого влияния. Особенно сложно парню пришлось во время его первой высадки. Тогда Сергею показалось, что у него в голове разом заговорили все люди Земли. Голоса были настолько отчётливыми, ментальные потоки настолько яркими, а боль и ненависть столь всеобъемлющими, что Синецын совершенно потерял в этой мешанине своё собственное Я. Как именно он оказался в поле-вом медсанбате, Сергей не помнил. Последнее, что запечатлелось в его памяти в тот день, - сосредоточенно нахмуренные брови медика, склонившегося над ним, и тишина. Во время следующего вылета он, казалось бы, слышал и видел всё, что творилось в сознании сидевших рядом с ним десантников. Это было тяжело, но терпимо, так как их эмоции были подчинены чувству долга, их всех объединяла одна великая цель.

Сидевший рядом с Синецыным солдат сосредоточенно рассматривал собственные сапоги. Сергею было знакомо такое выражение лица. Оглядевшись по сторонам, парень понял, что не ошибся. Ему даже не требовалось напрягаться, чтобы понять, о чём думает каждый из его товарищей. Яркой вспышкой пронёсся перед внутренним взором образ пожилой женщины, стоявшей у стены бревенчатого дома и с тоской смотревшей куда-то за горизонт. Это были воспоминания сидевшего рядом парня. Не совсем точные - кое-что десантник додумал сам. Синецын только покачал головой. Его собственная мать погибла от рук фашистов год назад, а об отце не было ничего слышно с того дня, как он ушёл на фронт. Девушки у него не было, сестёр и братьев тоже... Писать было некому.

...Кто-то из солдат рассыпал патроны. Все те, кто сидел рядом с Сергеем, не обратили на это никакого внимания. Неуклюжий бедолага принялся собирать просыпанное, тихо бормоча что-то сквозь зубы.

Сосед Сергея нервно поёрзал на месте и вновь одёрнул рукав. Мысли этого парня были настолько чёткими и ясными, что Синецын поневоле ответил

мысленный вопрос своего собеседника:

- Да, ты прав. Прямо как в первый раз. Помни об этом.

6

В тот момент, когда рядом с самолётом взорвался взрывной снаряд, десантники поняли, что до этого и не трясло вовсе. Тусклый свет в салоне нервно меркнул и погас. Черкашин закашлялся и глухо заступил себя кулаком по груди. Прохин прекрасно понимал командира. Он и сам едва не подавился, когда второй снаряд рванул с другой стороны. Воздушная волна толкнула самолёт вниз. Сейчас было самое время выбирать высоту, что, собственно, и сделал пилот.

- Пошёл!

Голос инструктора прозвучал глухо и неестественно. И тут Иван понял, что совершенно не хочет дышать. Снаряжение придавило его к сидению и не давало никакой возможности подняться. Ноги не слушались, казалось, что от них отлила вся кровь. Вакуум в кабине моментально сузился до размеров горошины. Руки покрылись холодным липким потом.

- Не хочу... Не хочу... Не хочу!!! - вопило подсознание, пока Прохин неимоверным усилием воли поднимал себя на ноги. Один за другим ребята исчезали в тёмном провале открывшегося люка. Самолёт продолжал резать ночное небо, неуклюже лавируя между воздушных потоков, создаваемых взрывами. Иван увидел спину Михаила. Десантник ровно и уверенно продвигался к выходу, следуя сразу же за Геннадием. Резкий крен на правое крыло - самолёт ушёл вправо и в сторону после того, как его покинул последний десантник.

Прохин даже не заметил динамического удара. Всё его внимание было сосредоточено на ярких огнях всполохах, озарявших землю под ногами. Сопротивления не оставалось - их ждали. Свист пуль, грохот взрывов, чей-то жуткий крик, раздавшийся справа - всё это смешалось в сознании десантника, не давая составить чёткую картину происходящего. Купол парашюта, как казалось, закрыл собой всё небо. Ветер бил в лицо и мешал дыханию, голова кружилась, нарушая ориентацию, внутренности потеряли чувствительность.

Резкие автоматные очереди выделялись среди общего грохота. Почему-то Иван подумал, что именно звук автомата будет то последнее, что он услышит. Резкий порыв ветра ударил его слева, парашют нервно дернулся в сторону, купол пробило земным снарядом. Всполоха ткани Прохин так и не дождался.

7

Геннадий спешно прикопал опавший на землю парашют и огляделся по сторонам. Ситуация была, говоря, неутешительной. Его сильно отнесло в сторону от основной дислокации десанта. И, если бы не управляемый парашют, Анциферов даже предположить не хотел, где мог бы оказаться.

- Успокойся! - мысленно приказал себе десантник. Это подействовало, но то, что парень увидел в следующую секунду, заставило его похолодеть.

Фашисты. Их было не меньше двух десятков. Тёмные силуэты двигались частой цепью, внимательно осматриваясь по сторонам. Действуя больше

инстинктивно, нежели по плану, Геннадий сорвался с места и нырнул в ближайшие полуразвалившиеся снопы. Прижавшись всем телом к земле, десантник, как казалось, даже перестал дышать.

Отрывистая немецкая речь чередовалась с треском автоматных очередей. Солдаты разваливали стоявшие на их пути уложенные снопы и обстреливали их, смертельно ранив и убивая укрывшихся на ржаном поле десантников.

Геннадий безмолвно наблюдал за тем, как развалили соседние с ним снопы. Следующая автоматная очередь предназначалась ему. Пронеслась мысль, что, если его обнаружат, он должен успеть застрелиться. Страх исчез, голова работала четко:

«Ну нет, живым вам меня не взять, радости убить меня, а еще хуже - взять в плен вы не получите!» - зло подумал десантник, осторожно вытягивая из поясной кобуры пистолет.

8

Анциферов лежал ни жив ни мёртв, буквально физически ощущая колебания земли, вызванные удалявшимися шагами немецких солдат. Парня спасло только чудо. Автоматная очередь, пущенная немецким солдатом в сноп, где скрывался десантник, прошила вещмешок со снаряжением, обожгла спину. Но ни одна пуля Геннадия не задела. Решив, что степень повреждения вещей из мешка он выяснит чуть позже, солдат продолжал лежать, вслушиваясь в резкие отрывистые возгласы своих врагов. Слава богу, на пути десантника попались обычные солдаты. Будь у них собаки, ничто не смогло бы его спасти от верной гибели. Чувствуя, как по спине растекается мокрое пятно, Геннадий с досадой подумал о том, что без воды ему будет туго.

Спустя несколько часов, когда десантник проверил содержимое собственного вещмешка, выяснилась пара неприятных сюрпризов. Во-первых, фляжка вопреки надеждам пришла в полнейшую негодность, а во-вторых - было повреждено крепление гранат. Впрочем, последнее можно отнести скорее к положительной стороне дела. Задень пуля хотя бы одну из «лимонок», Геннадий не встретил бы сегодняшний рассвет. А крепление - это ерунда. «Надо найти своих», - подумал он, осторожно выбираясь из своего ненадёжного укрытия и повторно оглядываясь по сторонам. Вражеских отрядов зачистки не было видно. Но это ещё не значило, что они не появятся в следующую минуту. Пользуясь выпавшим шансом, Анциферов, пригибаясь к земле, побежал в сторону ближайшего к нему края поля. Туда, где виднелись редкие деревья и кустарник. Чуть дальше, если хорошенько присмотреться, в темноте можно было заметить густую стену леса, подступавшую к самому краю дорожной полосы, раскинувшейся в обе стороны прямо перед десанником.

«Так, хорошо...» - подумал он.

Хотя, конечно, ничего хорошего в этом не было. Геннадий довольно чётко представлял, где оказался, - в тылу врага. А это означало, что и дорога, и вся ближайшая территория сейчас находились под контролем немецких солдат. Идти куда-то по этой дороге или даже рядом было самоубийством. Десантник немного поразмыслил на эту тему, старательно обшаривая взглядом придорожные кусты.

Обстрел десанта не мог быть простой случайностью. Зенитные орудия были нацелены точно на приближавшиеся самолёты. Но как немцы выяснили, когда именно ждать гостей? Наверное, он этого никогда не узнает...

Солдат тяжело вздохнул, сжав рукоять походного ножа. Сейчас Геннадий занял весьма удобную для себя позицию - на дне мелкого овражка, расположенного недалеко от дороги. Мысли о том, чтобы найти своих, ни на минуту не оставляли парня. Если ему удалось спастись, то это означало, что есть и другие. Всё-таки Геннадий Анциферов был оптимистом. Этому учили их отцы-командиры и сержант Черкашин. И это качество не раз спасало ему жизнь, не позволяло отчаяться, впасть в панику или в полное бездействие. Теперь же ему оставалось только одно: предпринять попытку найти своих.

9

Линия горизонта подёрнулась розовой дымкой. Убранное ржаное поле, к которому Сеницын добрался, пригибаясь как можно ниже к земле, всего две минуты назад, казалось, светилось в лучах восходящего солнца. Ночной туман отступал от дороги, вдоль которой нестройными рядами тянулся дикий кустарник.

«Либо ты их, либо они тебя. Третьего не дано», - зло подумал Сергей, нервно оглядываясь по сторонам. То, что произошло сегодня ночью, навсегда останется в памяти десантника. Он с детских лет привык чувствовать себя особенным, каждый день убеждаясь в собственной правоте. Но сегодня Сеницыну представился шанс в полной мере осознать, насколько же он заблуждался.

Во время спуска десантник видел, как убило лежавшего рядом товарища. Буквально физически ощущая на себе прицел вражеского автомата, Сергей судорожно вглядывался в пространство под ногами, сиюминутно забыв, что-нибудь там разглядеть. И разглядел с десяток тёмных фигур, принадлежность которых угадывалась даже в кромешной темноте.

Поймав ветряной поток, он смог отклонить курс своего парашюта на несколько десятков метров севернее предполагаемого места высадки. Это спасло десантника жизнь. Когда плотная ткань купола осела на землю, Сеницын уже был полностью готов отразить любое нападение. По крайней мере, парню так казалось.

Резкий лающий окрик заставил десантника замереть на месте. Как был - полусидя, сжимая в руках свой ППШ. Молодой человек мысленно выругался.

«Спокойно. Они стреляют без предупреждения», - вспомнил он. И был абсолютно прав. Но выкрик предназначался отнюдь не ему, а одному из немецких солдат, находившихся от кустарника, в котором прятался Сергей, всего на несколько шагов левее. Вражеские солдаты принадлежали к одному из отрядов зачистки, которые рассредоточились по территории в поисках русских десантников. Сергей внимательно следил за фашистами из своего ненадёжного укрытия, решая, как именно ему поступить дальше. На звуки выстрелов могли сбежаться остальные. Их ментальные образы парень видел очень чётко. И что тогда? Если рассуждать здраво, на всех патронов не хватит...

Отложив в сторону тяжёлый автомат, десантник осторожно вытянул из поясного чехла нож. Стальное лезвие тускло блеснуло в свете огненной вспышки. Совсем рядом прогремел взрыв. Кто-то бросил гранату. Спустя всего пару мгновений Сергей понял, что это был свой. Но почему Сеницын не почувствовал его присутствия? Ответ пришёл сам собой - его товарищ был тяжело ранен. Немецкие солдаты, как один, пригнулись и развернулись в сторону грохота. Рассуждать было некогда - это был шанс, который нельзя упускать.

10

Андрей судорожно сглотнул и вытер выступивший на лбу пот. Сегодня Никитину, можно сказать, повезло. Постаравшись унять невольную дрожь в руках, десантник огляделся по сторонам. Всего два часа назад ему на пути попался поисковый немецкий отряд. Андрей видел, как фашисты расстреляли раненого солдата, которого он заметил давно, но так и не успел добраться до него, помочь.

«Гады!» - комок ненависти подкатил к горлу. - Только суньтесь! Лично... Каждого убью!..»

Но фашисты прошли стороной. Андрей судорожно вздохнул, глядя в сторону видневшегося в темноте тела, неестественной массой лежавшего между тёмных древесных стволов.

«Его и похоронить-то будет некому», - сердце десантника сжалось от боли. - Ну ничего, друг, мы их всех похороним, за все отомстим! Всех до единого уничтожим! Каждого!» Мысленно попросив прощения у убитого товарища, Никитин развернулся и, осторожно двигаясь от дерева к дереву, принялся уходить всё дальше в лес, отклоняясь от необходимого курса всего на несколько градусов. Андрей не рассчитывал, что встретит своих раньше, чем через несколько часов. Так оно и вышло.

11

Анциферов медленно переменил позу. От долгого сидения на одном месте у него затекли ноги и спина. Солнце поднялось уже на достаточную высоту, заливая дорогу, расположенную впереди, ярким светом. По дороге двигалось несколько автомобилей, груженных массивными деревянными ящиками. Выбраться из укрытия сейчас было невозможно.

Геннадий жутко хотелось пить. Он проклинал немецких солдат зачистки. Ну надо же было оставить его без воды! О том, что фашист мог запросто его пристрелить, десантник и не думал.

Облизнув пересохшие губы, Геннадий с напряжением посмотрел вслед очередной проехавшей машине: «Дождусь ночи. Тогда будет легче».

Но легче не стало. Как только солнце скрылось за горизонтом, дорогу занял нескончаемый поток тяжёлых автомашин, тянувших военную технику. «И это все они для нас приготовили, гады!» - негодовал десантник. Чувствуя, что он здесь просидит ещё очень долго, Анциферов грустно думал о том, что же сейчас делают его товарищи? Как же ему хотелось оказаться в это мгновение с ними, а не в этом чёртовом овраге, полном сухой травы и назойливых мелких чёрных муравьёв, стремящихся сделать жизнь десантника ещё более невыносимой.

12

Сергей осторожно приподнялся и выглянул из-за кустов. Впереди раскинулось обширное картофельное поле. Если верить внутренним часам десантника, сейчас было уже около десяти часов утра. Позади остался довольно оживлённый тракт, который Синицын смог пересечь незамеченным. Куда двигаться дальше? В голове роились сотни мыслей, многие из которых не принадлежали самому Сергею. Эти чужие мысли были на немецком. Они холодными резкими точками врываются в сознание десантника, оставляя после себя чёткий ментальный след. Сейчас парень твёрдо знал, откуда стоит ждать опасности. Со стороны. Оттуда, где он только что прошёл.

«Гадство!» - эта мысль на мгновение заслонила все остальные. Она была настолько чёткой и яркой, что Сергей даже попятился, инстинктивно закрывшись рукой от несуществующего удара кулаком. Через пару мгновений, когда Синицын пришёл в себя, он понял две немаловажные вещи. Во-первых, рядом есть ещё кто-то, а во-вторых - этот кто-то был своим! «Где же ты?» - вновь и вновь, не теряя надежды, посылаю он мысленный вопрос.

Конечно, Сергею никто не ответил. Просто неизвестный десантник сам заметил Синицына. Условный свист, повторившийся несколько раз через равные промежутки времени, показался ему прекраснее всех звуков, которые он слышал в своей жизни. Повторив условный сигнал, но уже со своей стороны, солдат с радостной улыбкой на лице продвинулся чуть левее и вперёд.

«Не один!!!» - очередная ментальная вспышка снова не сбила Синицына с ног.

- Живой? - невпопад спросил десантник, отчаянно моргая и пытаясь прогнать поток мысленных образов, пронёсшихся в его сознании. Геннадий Анциферов яростно закивал и отбросил в сторону

крупную сырую картофелину, которую грыз до этого, чтобы утолить жажду.

- Живой. И даже целый.

- Ты себе не представляешь... - начал было Синицын, но Анциферов его перебил:

- Не здесь, - и кивнул в сторону начинавшейся неподалёку лиственной рощицы.

«И то правда», - мысленно согласился Сергей, следуя за своим новым спутником. Времени на разговор не было...

13

...Операция была неудачной. Волну из 5000 десантников разбросало на площади в несколько десятков квадратных километров от Ржыщева до Черкасс. Плохо проведённая разведка не засекла механизированные части немцев, а десантники не имели противотанкового оружия. Однако отдельные их группы, потеряв радиосвязь с центром, постоянно тревожили немецкие тыловые части, пытались даже атаковать опорные пункты. В конце концов десантники собрались в Каневском лесу и развернули организованную диверсионную активность: нарушали коммуникации врага, дерзко нападали на гарнизоны, подрывали склады боеприпасов, рвали мосты, эшелоны с танками, вели разведку, взаимодействовали с партизанами и, наконец, участвовали в операции по освобождению города Черкасы. Среди них был и рядовой Геннадий Анциферов.

Несмотря на большие жертвы, Днепровская воздушно-десантная операция отвлекла внимание значительного количества немецких механизированных соединений, что позволило осуществлять переправу советских войск через Днепр с наименьшими потерями.

Ульяновск, 2011 год.

